Леонид ЛЕОНОВ

БЕЗЗАВЕТНОСТЬ

В Москве в Большом зале ЦДЛ состоялся очередной вечер из цикла «Советские полководцы», который проводят Комиссия по военно-художественной литературе Московской писательской организации и правление ЦДЛ имени А. А. Фадеева. Вечер был посвящен маршалу бронетанковых войск, дважды Герою Советского Союза Павлу Семеновичу Рыбалко.

На вечере, который проходил под председательством Героя Советского Союза, писателя М. Галлая, выступили дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Д. Драгунский, генерал-полковник танковых войск М. Соломатин, генерал-лейтенанты А. Ветров и М. Каменчук, писатели М. Брагин, И. Кузнецов, М. Маклярский, В. Полторацкий. Было оглашено письмо Героя Советского Союза, генерала армии А. Жадова.

Евг. Воробьев прочитал также адресованное участникам вечера письмо Леонида Леонова, которое мы публикуем ниже.

За немногими исключениями мемуарный жанр всегда казался мне литературно неполноценным по самой специфике задания и сомнительным в документальном отношении из-за трудностей проверки. Лишенный склонности к ведению дневников, я всегда избегал восстанавливать утраченные воспоминания, а порой и придумывать их заново. Мне легче изложить внешние обстоятельства моего знакомства со знаменитым советским военачальником, которого даже его противники по ту сторону фронта называли *ein grosser Panzermann*.

Если не считать двух более поздних и беглых встреч с маршалом Павлом Семеновичем Рыбалко, я общался с ним, к тому же всего несколько дней, при поездке на фронт осенью 1943 года.

Встреча наша произошла в Людвиновке, перед Черниговом, тотчас после взятия советскими войсками Киева, запомнившегося мне еще не убранными на Владимирской горке аллеями алюминиевых истуканов с тевтонской осанкой, а также ежедневными вражескими авианалетами и обязательными следами жестоких схваток за каждую улицу. То был период передышки перед новым рывком на Запад, ибо при своем сокрушительном ударе по танковой армаде Манштейна советский маршал шибко повредил свой железный кулак, и, по некоторым уцелевшим в памяти подробностям, в ту неделю штаб Рыбалко стоял почти без охранения. Так, например, пришедшая сдаваться в плен тройка немецких солдат без помехи, с поднятыми руками вошла в штабную столовую, что произвело неизгладимое впечатление на обедавших. Выражаясь горячим языком тогдашнего репортажа, стороны обоюдно слышали и лязг передвигаемого железа, и чад походных кухонь.

Несколько очень хлопотных дней, перегруженных ценными наблюдениями, я почти целиком провел у командного стола Павла Семеновича, следя, так сказать, через его плечо за примерной деятельностью полководца в своей, уже созревшей тогда повести. По условиям и лимиту времени мы маловато беседовали в те часы, тем не менее, взволнованный одним жарким рассказом танкистов, только что вышедших из поединка, я поделился с маршалом возникшей у меня заключительной деталью во «Взятии Великошумска». Сама вещь была задумана как гимн, как дань почтения нашей великолепной не только по ее исключительным боевым качествам, но и просто спортивно-элегантной тридцатьчетверке, а также и беззаветным людям в ней!

Моя стальная героиня, поставленная на гранитном постаменте для обозрения веков — с оплавленными пробоинами и пороховым нагаром на рваной броне, куда вещественней, наглядней и речистей нас, литераторов, рассказала бы потомкам, в каком вулканическом зное, в смертельном вихре металла добывали для них победу легендарные предки. К слову, маршал горячо поддержал мою мысль, к сожалению, осуществленную лишь на страницах повести. Думается, что, как и простреленные в бою знамена, тот драгоценный железный лом сильнее воспитывал бы в молодежи чувство исторической преемственности, нежели отличные и новехонькие машины, хотя и вызывающие прилив законной гордости за военную промышленность тех лет.

К общеизвестным и заслуженным эпитетам этого выдающегося танкиста Великой Отечественной войны я могу прибавить личные и впоследствии пригодившиеся мне в работе впечатления о Павле Семеновиче Рыбалко, как об умнейшем и скромнейшем современнике, отце своих солдат и друге литературы, о большом и человечнейшем Человеке, былым расположением которого я горжусь.

Литературная газета, 1980, 19 мая, № 20